

Тиму за все.

*И тридцати двум тысячам
жителей Лондона,
погибшим во время Блица¹.
Вы не забыты.*

...И чувства
Отрад забытых, тех, что, может быть,
Немалое влияние окажут
На лучшее, что знает человек, —
На мелкие, невидные деянья
Любви и доброты².

Уильям Уордсуорт

---

¹ «Блиц» (*англ.* The Blitz) — бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года.

² Перевод В. Рогова.

Пролог

Лондон, март 1941 года

Холодная, ясная ночь содрогнулась и застонала, когда тишину разорвал нарастающий гул сотен двигателей. Выстроившиеся в цепочку самолеты, словно обозленные шершни, прорезали потемневшее небо над городом, уже одетым в черное в преддверии неминуемого траура.

Пробираясь сквозь толпу бегущих к бомбоубежищу лондонцев, она ощущала в горле привкус пыли и гари. Какой-то мужчина схватил ее за руку, словно хотел направить в другую сторону, но прозвучавший поблизости взрыв заставил его ослабить хватку и поторопиться за толпой. Она попыталась перехватить чемодан поудобнее — давление на грудь мешало дышать. На нее обрушились усталость и боль, но она только приветствовала их, потому что они скрывали кровоточащую рану невыносимого горя. Шатаясь, она двигалась вперед: незамеченные порезы на ноге и лбу сочились кровью, а едкий смрад взрывчатки перемешался с жутким запахом смерти.

Она с опаской передвигалась по неосвященной главной улице, столь знакомой при дневном свете, но столь чужой для нее сейчас. Ночное небо расцвело пламенем

и багровым светом, когда зенитные установки ответили громким лаем на завывания банши¹ сирен воздушной тревоги. Прижавшись к стене — словно так можно было спрятаться от этих звуков, этого шума и всего этого ужаса, — она закрыла глаза. «Лунная соната». Кто-то — она не помнила, кто именно, возможно, кто-то из подпольного клуба — однажды шепнул ей, что именно эту мелодию он называет музыкой ночных бомбардировок. Тогда она решила, что это превосходная мысль, чудесный способ найти что-то хорошее в чем-то настолько ужасном. Но тогда она была моложе. Тогда она более охотно соглашалась с тем, что мир еще не лишился своей красоты, в то время как все вокруг горело и тлело, а лишённые крыш здания, словно умирающие от голода птенцы, разевали рты в безучастное небо.

Неподалеку упала еще одна зажигательная бомба. Взметнулся еще один огненный шар. Разрушилось еще одно здание, еще один кров, еще одна жизнь, когда непоследовательный перст судьбы беспечно ткнул наугад. Тротуар загромыхал под ногами. Спотыкаясь, она сошла на дорогу, чуть не лишившись драгоценного багажа. Раздался пронзительный свисток уполномоченного по воздушной обороне, но он потонул в реве моторов в небе. Пока она бежала, малыш лежал смирно; полузакрытый верх саквояжа защищал его от пепла, летящего от горящих зданий.

Она нырнула к дверному проему, чтобы перевести дыхание, ощущая странную благодарность пожарам за

---

¹ Б а н ш и — в ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии феи, предсказывающие смерть.

то, что они освещали ей путь. Совершенно уверенная в том, что оказалась на МакФаррен-Плейс, она вжалась в немного утопленную в стене дверь, представляя себе, что слышит приближающиеся с той стороны шаги. Нужно было бежать, пока она не доберется до нужного места. Она не знала, что станет потом делать, но об этом можно было подумать позже.

Над головой пронеслась очередная цепь самолетов; рокот двигателей эхом отозвался в ее костях. Она готова была рухнуть на пороге и так и лежать, пока не наступит рассвет или смерть, что бы ни пришло раньше. Но она не могла. Она снова ощутила тяжесть саквояжа в руках, а легкое шевеление внутри напомнило ей, почему она не могла сдаться.

Она стояла, широко расставив ноги для равновесия и ложного ощущения силы, которое оно придавало ей. Пока земля вибрировала, она держалась за этот слабый проблеск силы воли, не позволяющий ей остановиться. И именно он снова вытолкнул ее на улицу и заставил двигаться, когда откуда-то сзади донесся рев следующей стаи самолетов.

Пока она пряталась в очередном дверном проеме, самолеты пролетели обратно, сбросив свои бомбы возле Оксфорд-стрит. Ее плечи и руки ломило от тяжести саквояжа. Как такой небольшой предмет мог настолько много весить? Но остановиться она не могла. Не сейчас. Не после всего произошедшего. Она не выдержит еще одной потери, которая станет самой большой и заключительной дырой в чаше ее везения.

В ушах звенело от обрушившейся на город какофонии разрушения, во рту стоял медный привкус

крови — она прикусила губу, сдерживая дрожь. Случайная бомба могла упасть прямо на нее и ее ценный груз, вне зависимости от того, где находилась намеченная цель — непредсказуемая рука судьбы никогда не знает, куда опустится.

Избегая уполномоченных и любого, кто мог сбить ее с пути, она продолжала торопливо двигаться вперед, пока не добралась до Дэйвис-стрит и площади, где красивые дома Георгианской эпохи теперь были укрыты в черное, а их затемненные окна напоминали сонные глаза. Она знала этот дом и даже бывала внутри. Знала, что подвал используется как частное бомбоубежище, оснащенное электричеством и обеспеченное продуктами, мягкими матрасами и одеялами. Но сюда она пришла по другой причине. Она не собиралась оставаться здесь.

Светящиеся белые перчатки уполномоченного по воздушной обороне поманили двух женщин, одетых так, словно их только что вытащили с торжественного приема; они заковыляли за ним, когда он повел их в общественное бомбоубежище. Прижав крепче саквояж, она вжалась в кованую ограду дома и опустила лицо, чтобы скрыть его бледность. Когда эти трое исчезли, она с опаской двинулась вдоль забора, а затем отперла калитку. Осторожно спустившись по лестнице, она повернула дверную ручку, ни на секунду не задумавшись, что станет делать, если дверь окажется запертой.

Дверь открылась. Перед ней оказалось пустое помещение, заполненное лишь матрасами и диванными подушками, сваленными у окон и стен. В свете мерцающего огня уличного пожара она увидела закрытую дверь в дальнем конце помещения. Запомнив, где она

расположена, она закрыла за собой вход, оставшись в крошечной темноте. Чем ближе она подходила, тем явственнее из-за двери раздавалось тихое бормотание. Она остановилась перед дверью и подняла руку, чтобы постучать, а затем замерла и одними губами прочитала старую, из детства, молитву к Богу, который, как ей казалось, уже не слушал ее. Закончив, она прошептала в темноту «Аминь», а затем отрывисто постучала костяшками пальцев по дереву.

Голоса смолкли; затаив дыхание, она прислушивалась к приближающимся шагам.

— Кто там?

Женский голос, звонкий и интеллигентный. Англичанка.

От облегчения у нее едва не подкосились колени.

— Это я. Откройте, пожалуйста, дверь.

Дверь рывком распахнулась, позволив ей разглядеть небольшую комнату с опрятными койками вдоль стен, небольшую хрустальную лампу, сверкающую на полированной поверхности круглого стола с изогнутыми ножками. Не будь она столь вымотана, она могла бы посмеяться над абсурдностью хрусталя и изысканной мебели в подобном месте, в подобное время, когда мир над ними густо покрывала кровь и пепел. Та, которой она когда-то была, повеселилась бы. Но она уже не была тем человеком.

Женщина взгляделась во тьму, словно ожидала увидеть там еще кого-нибудь в поисках убежища.

— Я одна. Больше никого.

На лице женщины отразилось понимание и печаль; она коротко кивнула и расправила плечи.

— Вы ранены, — произнесла женщина. Ее нежная кожа блестела в свете лампы, словно гипс. Протянув ухоженные руки с ярко-красным маникюром, женщина сказала: «Заходите. Скорее. У нас есть врач».

Она затрясла головой.

— Не могу. Я должна идти.

Впервые она ослабила пальцы, державшие саквояж. Поставив его на пол, она подняла ребенка, который сонно пошевелился в ее руках. Прижавшись губами к его мягкому лобику, она глубоко вдохнула, стирая смрад истерзанной ужасом ночи сладким ароматом новой жизни. Она подняла голову, затем передала малыша, пока не передумала и не погубила их всех.

Светлые глаза женщины удивленно распахнулись, а затем наполнились пониманием. Она приняла ребенка, прижала его к груди, а между ними в воздухе повис незаданный вопрос.

— Я должна вернуться. Он... — Она бесцельно взмахнула рукой. — Может, еще не поздно... — Отчаяние выплеснулось из ее груди, наполнив горечью рот.

— Но вы не можете уйти. Не сейчас. Там же воздушная атака.

— Я должна. Больше некому. — У нее встал ком в горле. — Я должна попытаться.

Ее взгляд опустился на шевелящийся сверток, но она усилием воли отвела глаза в сторону.

Женщина никак не отреагировала на эту новость, лишь коротко вздохнула. С напускным спокойствием она проговорила:

— Но вы ранены. Вы наверняка можете подождать еще пять минут.

— Нет. — Она тряхнула головой. — Я и так слишком задержалась. — Она шагнула назад в подтверждение своих слов. — Мне кажется, меня уже ищут.

— Тем более вы должны остаться тут. Мы сможем уберечь вас. Мы сможем помочь вам достать необходимые документы.

Она словно бы и не слышала женщину.

— Вы позаботитесь о малыше?

— Конечно, но...

— Хорошо.

Женщина выглядела такой очаровательной, стоя здесь, с отблесками света на стене за спиной и с ребенком в руках. Она сделала все правильно, придя сюда.

— Берегите себя, — проговорила женщина. — Но это не прощание. Мы увидимся снова, когда все это закончится.

— Надеюсь, — произнесла она, позволив себе еще раз бросить взгляд на бледную, словно луна, щечку малыша. Она сделала еще один шаг назад. — Когда все это закончится.

Она повернулась и через вторую дверь вернулась в израненную ночь.

Выйдя через калитку, она поспешила к перекрестку, но затем остановилась, оглядываясь, зная лишь одно — ей нужно продолжать бежать. Она позволила себе всего на секунду закрыть глаза, чтобы в последний раз увидеть личико малыша.

Резкий скорбный вопль разорвал воздух, заставив ее распахнуть глаза. Грудь сковало ударной волной от бомбы, попавшей в здание на противоположной сто-

роне улицы; в воздух, словно надоевшие капризному ребенку игрушки, взлетели кирпичи, осколки стекла и штукатурка. Что-то тяжелое ударило ее в спину между лопаток, швырнув на тротуар. В голове промелькнула шальная мысль, что она никогда не сможет починить свой наряд. Лежа на земле, она наблюдала, как медленно, будто во сне, падали вокруг нее обломки, как опустился на тротуар и погас горящий кусок обоев в цветочек.

Она попыталась встать: боль обожгла, словно лихорадка, отогнав кровотокающие порезы на ладонях и лбу на второй план. Колено правой ноги согнулось не так, как положено. *Нет, нет, нет. Только не сейчас. Только не так.* Сделав глубокий вдох, она поползла обратно к убежищу; угасающий проблеск самосохранения гнал ее вперед, прочь от наступающей на пятки смерти.

В ее глазах плясала тьма, соблазняла, манила ее. Она сопротивлялась: подползла к калитке, дотянулась до щеколды — заставляя себя оставаться в сознании, пока не почувствовала, как та поддалась. Оттолкнувшись локтями, она покатила вниз по ступенькам. Ее тело с грохотом врезалось в дверь, лицо запрокинулось к небу в молчаливой мольбе. На короткий миг она представила себе, что прогуливается по песку, а в воздухе слышен звук далекого моря. *Дом.* Он был там, как и всегда, вне досягаемости.

Пожалуйста. Слово эхом отдалось в ее голове, но с губ не сорвалось ни звука. Темнота поглотила ее, и небо кричало над нею множеством безответных молитв.

Глава 1

Лондон, май 2019 года

Самолет, вздрогнув, коснулся взлетно-посадочной полосы Хитроу. Привычный дождь серого лондонского утра забрызгал окна, робкое солнце изо всех сил пыталось пробиться сквозь облака. Качнувшись, самолет, наконец, остановился, и утомленные путешествием пассажиры, встав в проходах, принялись вытаскивать сумки из багажных отсеков над головами; звуки «молний» и защелок заполнили ряды, словно это была срежиссированная процедура, сообщающая об окончании путешествия. Я осталась сидеть, перебирая в мыслях свежий сон, воскрешая в памяти образы старой магнолии и больших белых колонн в доме моей тети Кэсси и тех красных цветов, которые она каждый год высаживала вдоль парадных ступенек в память о моей маме.

Вежливое покашливание отвлекло мое внимание к проходу, где очередь пассажиров ожидала, когда я выйду. Я поблагодарила кивком, схватила свой рюкзак из-под сиденья и двинулась на выход, мыслями все еще находясь в том месте, которое я звала домом первые восемнадцать лет своей жизни и которое я называла, когда люди слишком настойчиво спрашивали меня,